

Д.Д. ИВАНЕНКО В ТОМСКЕ (1936–1939 гг.)

Рассмотрен томский период жизни, научной и педагогической деятельности выдающегося отечественного физика-теоретика Д.Д. Иваненко.

Научная биография выдающегося отечественного физика-теоретика Дмитрия Дмитриевича Иваненко (1904–1991) тесно связана с Томском и Томским университетом. Судьба свела его с Сибирскими Афинами, как принято называть этот сибирский город вот уже более 100 лет, в силу трагических событий середины 30-х гг. XX в.

Убийство в Ленинграде С.М. Кирова повлекло за собой массовую высылку из этого города представителей интеллигенции дворянского происхождения. Среди тех, кто вынужден был покинуть северную столицу, был и Д.Д. Иваненко, в то время старший научный сотрудник знаменитого Ленинградского физико-технического института (ЛФТИ). Его директор, академик А.Ф. Иоффе в 1935 г. дал следующую характеристику молодому ученому: «Дмитрий Дмитриевич Иваненко является одним из крупнейших представителей теоретической физики в Союзе. Им опубликовано около 30 научных работ, из которых широкую известность получила предложенная им теория строения атомного ядра из протонов и нейтронов. Большой научный интерес представляют также его исследования в области волновой теории материи, квантовой геометрии и ряд работ по строению элементов и расщеплению атомных ядер» [1. Л. 3]. В 1935 г. Научный совет ЛФТИ постановил допустить Иваненко к защите диссертации на степень доктора физико-математических наук, минуя степень кандидата: «Ввиду большого научного значения опубликованных Д.Д. работ, присудить ему ученую степень кандидата наук за работы по уравнению Дирака и предложить защищать докторскую диссертацию на основе работ по атомному ядру» [1. Л. 18]. Однако этого не произошло в силу изменившихся обстоятельств. Забегая вперед, скажем, что докторскую диссертацию Д.Д. Иваненко защитил в 1940 г., работая уже в Уральском государственном университете.

Постановлением ОСО НКВД от 4 марта 1935 г. Д.Д. Иваненко был осужден на 3 года как «социально опасный элемент» и выслан из Ленинграда в Карагандинский лагерь (Карлаг). Новым постановлением от 31 декабря 1935 г. он был направлен отбывать ссылку в Томске. Сам Д.Д. Иваненко считал, что своему освобождению он был обязан С.И. Вавилову [2]. С 1 марта 1936 г. его приняли на работу консультантом теоретического отдела Сибирского физико-технического института (СФТИ) при Томском государственном университете с окладом в 300 руб. С 1 апреля того же года он стал получать 400 руб. в месяц. С 1 сентября 1936 г. Д.Д. Иваненко по совместительству состоял профессором кафедры теоретической физики [3. Л. 1–4].

В Томском университете, как пишет Д.Д. Иваненко в своей автобиографии, он читал студентам физико-математического факультета курсы: квантовая электродинамика, теория атомного ядра, космические лучи. Посещение этих курсов сотрудниками теоретического отде-

ла СФТИ и преподавателями-теоретиками «помогло сделать первые шаги по созданию научной группы, развивающей ряд самостоятельных идей» [4. Л. 85. С. 242–243].

Теоретический отдел СФТИ и кафедру теоретической физики ТГУ возглавлял в то время известный советский физик П.С. Тартаковский, направленный в Томск в 1929 г. из Ленинградского политехнического института по инициативе А.Ф. Иоффе, лично занимавшегося подбором научных кадров для созданного в Сибири научно-исследовательского института физического профиля. В Томске П.С. Тартаковский разрабатывал теорию внутреннего фотоэффекта в диэлектриках и проблему пластичности твердых тел. Здесь он построил законченную квантово-механическую картину этого явления и опубликовал свои результаты в ведущих физических журналах мира [5. С. 92–93]. Как справедливо отмечают В.Г. Багров и А.И. Потекаев, появление в ТГУ П.С. Тартаковского, а затем Д.Д. Иваненко, «стало без преувеличения судьбоносным для томской науки – они “завезли” теоретическую физику» [5. С. 92–93].

Однако обстановка в то время и в СФТИ, и в Томском университете была довольно сложной. В октябре 1933 г. П.С. Тартаковского обвинили в том, что он «окружил» себя «враждебными элементами», которые якобы он протаскивал на возглавляемую им в Томском университете кафедру теоретической физики [6. С. 414–415]. Он был подвергнут резкой критике. В 1936 г. и.о. директора СФТИ Н.П. Загорский, выступая на общем собрании работников института по итогам мартовской (1936 г.) сессии АН СССР, обвинил Тартаковского в формализме и в стремлении теоретического отдела изолироваться от решения практических задач социалистического строительства [7]¹.

В марте 1937 г. П.С. Тартаковский покинул Томск и возвратился в Ленинград. Академик А.Ф. Иоффе писал ректору ТГУ: «Приглашая проф. П.С. Тартаковского для работы по кафедре экспериментальной физики в Ленинградском индустриальном институте, мы рассчитывали на возможность его замены в Томске в качестве профессора теоретической физики Д.Д. Иваненко. Как по своей научной квалификации, так и по своей одаренности Иваненко является исключительно ценным работником, и мы позволяем себе потому рекомендовать его как наилучшего кандидата на остающееся вакантным с отъездом Тартаковского место заведующего кафедрой теоретической физики в Томском университете. Работы Д.Д. Иваненко по теории ядерных процессов и сил взаимодействия между частицами, образующие атомные ядра, по нашему мнению, могут быть представлены им в качестве докторской диссертации; таким образом, он фактически уже имеет все предпосылки получения докторской диссертации» [8. Л. 31].

После отъезда П.С. Тартаковского Д.Д. Иваненко стал заведовать кафедрой теоретической физики на

физико-математическом факультете ТГУ. Однако спустя несколько месяцев приказом ректора ТГУ Б.П. Токина от 26 октября 1937 г. Д.Д. Иваненко был освобожден от должности профессора физико-математического факультета и научного консультанта в СФТИ. Правда, уже 10 ноября 1937 г. и.о. ректора ТГУ М.Г. Журавков отменил этот приказ. Д.Д. Иваненко был снова допущен к научно-исследовательской работе в СФТИ в качестве старшего научного сотрудника со ставкой 500 руб. в месяц. Одновременно на него возложили руководство общепрограммным теоретическим семинаром [3. Л. 54, 56, 63]. С апреля 1938 г. Д.Д. Иваненко вернулся и на преподавательскую работу в качестве старшего преподавателя физико-математического факультета ТГУ.

Включение Д.Д. Иваненко в работу отдела теоретической физики СФТИ сразу же внесло свежую струю и значительно усилило его научный потенциал. В отделе, наряду с изучением ставшей уже традиционной тематики (теория строения диэлектриков, пластичность твердых тел), стало разрабатываться новое направление – квантовая электродинамика и теория атомного ядра. В отчете отдела за 1936 г. говорится: «По вопросам строения ядра и квантовой электродинамики получены весьма существенные результаты. В работе по нейтринной теории света показана возможность получения статистики Бозе из статистики Ферми (при определенных условиях), в работах о тяжелых частицах найден закон взаимодействия, дана теория массы тяжелых частиц». К работе отдела было привлечено 5 человек студентов-практикантов и дипломников. Всего в отделе было в 1936 г. закончено и сдано в печать 14 работ [9. Л. 3 об.].

Научная работа Д.Д. Иваненко в Томске была весьма продуктивной. Ко времени приезда в Томск им был уже выполнен большой цикл работ по теории атомного ядра. Еще в 1932 г. им была установлена протон-нейтронная модель ядра [10]. В СФТИ Д.Д. Иваненко продолжил изучение взаимодействия частиц в ядре. Как писал он в своей автобиографии, датированной 6 апреля 1938 г., «последняя проблема получила законченную математическую формулировку в Томске» [11. Л. 3 об. С. 245]. Наряду с этим, в томский период им разрабатывалась проблема квантовой электродинамики и ее различные применения, вплоть до теории космических лучей.

В 1937–1938 гг. основной проблемой, которой занималась часть сотрудников отдела во главе с Д.Д. Иваненко, было построение нейтринной теории света, продолжалась разработка теории атомного ядра. Развитие теории велось как в направлении разработки методов квантовой электродинамики, так и в описании основных уравнений релятивистской квантовой механики и их применении к атомным ядрам и космическим лучам.

Несколько его работ томского периода было написано совместно с талантливым молодым физиком-теоретиком, выпускником физико-математического факультета ТГУ А.А. Соколовым, который впоследствии вместе с Д.Д. Иваненко работал на кафедре теоретической физики МГУ. В отзыве о работах А.А. Соколова по нейтринной теории света, написанном в середине сентября 1937 г., Д.Д. Иваненко отметил, что в

них дан «наиболее ясный и последовательный анализ одномерной нейтринной теории света». А.А. Соколов использовал при этом новый метод квантования уравнения Дирака, развитый им совместно с Д.Д. Иваненко. «Преодолевая значительные математические трудности, – подчеркнул он, – автору удается построить выражение фотонного поля через нейтринное для случая трех измерений, удовлетворяющее всем требованиям, а именно условиям квантования и уравнения де Аламбера. Интересно, что при этом оказалось необходимым уточнить характеристику нейтрино, приписав последним некий специфический неэлектромагнитный «заряд». Заряд и масса нейтрино отдельно стремятся к нулю, но отношение их остается постоянным. Условие когерентности оказываются при этом точно выполненным». В конце отзыва Д.Д. Иваненко сделал вывод, что работы А.А. Соколова по нейтринной теории света «не только дополняют имеющиеся результаты, но и существенно обобщают их в математическом и физическом отношении». Таким образом, работы А.А. Соколова по нейтринной теории света не только дополняют имеющиеся результаты, но и существенно обогащают их в математическом и физическом отношении» [4. Л. 85. С. 242–243].

Резюме на английском языке одной из своих статей, написанных вместе с А.А. Соколовым и опубликованной в 3-м и 4-м т. «Трудов СФТИ» («О собственной энергии протонов и нейтронов»), он направил профессору Бристольского университета, члену Английского королевского общества Н.Ф. Мотту. Осенью 1936 г. Д.Д. Иваненко получил от него ответ, в котором Мотт сообщал, что он намерен опубликовать это резюме в английском журнале, найдя сообщение сибирских физиков «чрезвычайно интересным». В свою очередь английский физик предложил Д.Д. Иваненко написать статью для помещения ее в «Трудах Английской академии наук» («Proceeding of the Royal Society»). «Мне кажется, – писал Н.Ф. Мотт, – что Вам следует написать статью в 4–5 раз большую, объяснив точно, как Вы получаете ряд для энергии взаимодействия между двумя частицами». 21 октября 1936 г. Д.Д. Иваненко обратился к директору института В.Д. Кузнецову с просьбой дать разрешение на посылку статьи профессору Н.Ф. Мотту при одновременной публикации ее на русском языке.

Однако оценка работы отдела по нейтронной теории света была «не совсем лестная». В «Журнале экспериментальной и теоретической физики» была опубликована критическая статья В.А. Фока, посвященная совместной работе Д.Д. Иваненко и А.А. Соколова.

Теоретический отдел был подвергнут резкой критике и со стороны руководства института и общественных организаций за то, что его сотрудники не занимались решением задач прикладного характера, не построили своей тематики в «направлении непосредственного ответа на нужды социалистического хозяйства» [12. С. 266].

Не остался Д.Д. Иваненко и в стороне от развернувшейся летом 1936 г. кампании против лезинщины [13. С. 198–220]. Статьи газеты «Правды», появившиеся в июле 1936 г., разоблачали «вредительскую деятельность» академика математика Н.Н. Лузина и поднимали вопрос о «советском научном патриотизме».

В статье «Традиции раболепия», появившейся в центральном партийном органе 9 июля, звучал недвусмысленный призыв «подвергнуть беспощадному осмеянию и презрению окружить людей, которые с лакейским подострастием относятся ко всему, что носит на себе заграничный штамп». В той же «Правде» 6 августа появляется статья «Достоинство советской науки», которая обращала внимание советских ученых на необходимость повести решительную борьбу с лузинщиной. «Лузинщина, – писала газета, – еще гнездится кое-где в советской научной общественности. ...От советской научной общественности требуется величайшая бдительность. Это относится не только к той группе ученых, которая занимается по преимуществу теоретическими вопросами. Еще в большей мере бдительность требуется от тех советских ученых, работы которых непосредственно связаны с практикой социалистического строительства». На состоявшихся повсеместно собраниях научной общественности выступавшие клеймили тех научных работников, которые публиковали свои статьи за рубежом, и в первую очередь в фашистской Германии.

Такие собрания научной общественности прошли в сентябре 1936 г. и в Томске. Д.Д. Иваненко выступил на институтском собрании, где, по сути, поддержал Лузина, за что подвергся резкой критике. В газете «Красное знамя» появилась статья «Беспощадно разоблачать конкретных носителей раболепия перед буржуазной наукой», написанная сотрудниками СФТИ А.В. Светлановым, Н.Ф. Отпущенниковым, К.А. Водопьяновым и П.А. Борисовским. В ней П.С. Тартаковский и А.А. Соколов осуждались за то, как писали авторы, что все их главные научные работы «опубликованы в фашистской Германии». «Профессор Иваненко, – говорилось далее в статье, – совместно со старшим научным сотрудником Соколовым недавно послал свою научную работу “Нейтринная теория света” для напечатания в фашистскую Германию. Профессора Тартаковский и Иваненко считают, что только опубликование работы в буржуазной стране дает ей марку научности». Статья заканчивалась следующими словами: «Научная общественность университета, надо полагать, не пройдет мимо раболепствующих, чуждых советской науке позиций профессора Тартаковского и его единомышленников и резко их осудит» [14].

Д.Д. Иваненко пишет в дирекцию института записку, в которой поднимает важную для советских ученых проблему публикации своих научных результатов в зарубежных изданиях. Д.Д. Иваненко выразил свое несогласие с теми, кто предлагал вообще прекратить публикацию научных работ советских ученых в зарубежных изданиях. «Поднятые статьями в “Правде” вопросы о печатании трудов весьма актуальны, в частности для советских физиков и нашего Института, – писал Д.Д. Иваненко. – Следует различать, прежде всего, два независимых вопроса: 1) публикация в Союзе или за границей; и 2) печатание на русском или иностранных языках» [3. Л. 20].

Он считал, безусловно, необходимым прекратить печатание работ советских ученых в немецких журналах и признался в том, что и сам совершил ошибку, направив туда свою статью, написанную совместно с

А.А. Соколовым. Вместе с тем Д.Д. Иваненко категорически возражал против запрета на публикацию статей советских ученых за рубежом. «Создавать абсолютный барьер для печатания за границей нет оснований, ибо наука, – подчеркивал он, – интернациональна и нет смысла порывать без того небольшой контакт с западной физикой. Ведь помещаем же мы статьи иностранцев (Дирака, Пейерла, Блоха и др.)». Печатание статей по физике на одном лишь русском языке делает их, по словам Д.Д. Иваненко, практически неизвестными за границей, и «наша молодая наука рискует тогда оказаться варящейся в собственной соку, что приведет к плохим последствиям». В качестве примера он сослался на работы по ядерной физике советских физиков И.Е. Тамма, И.В. Курчатова, Л.В. Мысовского и др., опубликованные в «Докладах Академии наук», которые, по его словам, «оказались пропавшими» в силу отсутствия ссылок на них в зарубежных научных журналах [3. Л. 20–21]. В то же время издававшийся в Харькове на немецком языке «Physikalische Zeitschrift der Sowiet Union», одним из инициаторов организации которого и редактором в 1931–1933 гг. являлся сам Д.Д. Иваненко, был хорошо известен за границей и приобрел международный известность.

Д.Д. Иваненко предлагал руководству СФТИ добиваться введения своего представителя в редакционном совете харьковского журнала, чтобы оперативно публиковать там статьи томских ученых. Точно так же он рекомендовал поступить и в отношении журнала «Техническая физика». В «Трудах СФТИ», по его мнению, следовало бы перепечатывать наиболее ценные статьи из центральных физических журналов, что способствовало бы улучшению контактов с довольно разобщенными в то время физическими центрами страны, что может привести к созданию Всесоюзного физического общества [3. Л. 21–22]. По инициативе В.Д. Кузнецова он был привлечен к редактированию «Трудов СФТИ».

23 октября 1936 г. Д.Д. Иваненко пишет на имя директора института В.Д. Кузнецова заявление с просьбой предоставить ему отпуск на 20 дней ввиду «срочной необходимости поездки в Ленинград по весьма важным серьезным мотивам, а также с целью обсуждения... докторской диссертации». Его просьба была удовлетворена: отпуск разрешили с 7 по 27 ноября [3. Л. 1, 3–4, 10, 12].

В ноябре 1937 г. Д.Д. Иваненко направил в научный совет СФТИ докладную записку с предложением организовать в Томске научную конференцию с участием ученых Уральского физико-технического института, переехавшего к тому времени из Ленинграда в Свердловск, а также физиков Москвы, Ленинграда. И хотя эта конференция должна была главным образом обсуждать проблемы металлофизики и техники в свете взятого СФТИ курса на усиление связей с промышленностью края и в первую очередь с Кузбассом. Известно, что эта тематика особенно интенсивно разрабатывалась в лаборатории твердого тела СФТИ, руководимого профессором В.Д. Кузнецовым. Тем не менее, Д.Д. Иваненко считал, что на конференции должны обсуждаться и вопросы дефектоскопии, решением которых занимался отдел колебаний (А.Б. Сапожников). «Несомненно, – писал в своей записке Д.Д. Иваненко, – кроме основной программы конференции, возможно,

будет организовать ряд семинаров, секционных заседаний, обсуждая на них отдельные вопросы химической физики, теоретической физики и т.д.». Эта конференция, по его мнению, должна была «послужить институту стимулом к работе» [12. С. 244–245].

Д.Д. Иваненко выделялся не только своими выдающимися научными способностями, но и независимостью взглядов, резкостью в суждениях, что нередко ставило его в трудное положение с коллегами по институту.

Так, после его отчета о научной командировке в Ленинград осенью 1936 г. в институтской стенной газете на него была помещена карикатура. Д.Д. Иваненко в тот же день на стенгазете сделал надпись от своего имени против помещенного материала. Это стало предметом разбирательства на общем собрании научных работников СФТИ, на котором присутствовало 40 человек. Некоторые из выступавших расценили поведение Д.Д. Иваненко как «антиобщественный поступок» и даже как «антисоветское хулиганство». Д.Д. Иваненко припомнили и его выступление на собрании по осуждению лузиновщины. За него заступился директор института В.Д. Кузнецов, который назвал поступок Д.Д. Иваненко «мальчишеством». Тем не менее, собрание осудило «поступок» Д.Д. Иваненко как «антиобщественный, несоветский» и вынесло предупреждение, что «дальнейшее повторение подобного поступка побудит общественность института придать делу юридический характер, тем более, что у Иваненко имеются и другие антиобщественные поступки и нежелание признавать свои ошибки» [3. Л. 36–38]. Иваненко обвинили также в том, что он «пытался в лекциях и студенческих кружках проповедовать культ “чистой науки”, “науки беспартийной”, проповедовать пути западно-европейских физиков-идеалистов» [15. Л. 56].

В Томск была переведена его жена К.Ф. Корзухина, которую вначале выслали из Ленинграда в Оренбург. Вместе с женой Д.Д. Иваненко жил по адресу: ул. Черепичная, 5, кв. 4. Денег, которые он получал в СФТИ, было явно недостаточно. Незадолго до своего отъезда из Томска профессор П.С. Тартаковский, которого пригласил А.Ф. Иоффе для работы на кафедре экспериментальной физики в Ленинградском индустриальном институте [8. Л. 31], написал директору СФТИ В.Д. Кузнецову служебную записку, в которой ходатайствовал об увеличении зарплаты молодому ученому. «Из ряда разговоров с Иваненко, – писал он, – я знаю, что по его семейным обстоятельствам он никак не может существовать при теперешнем заработке. Между тем Иваненко является одним из наиболее выдающихся теоретиков СССР, и ТГУ, безусловно, заинтересован в сохранности его в числе своих сотрудников, т.к. работа в системе университета такого крупного специалиста очень поднимает “марку” университета. Я не говорю уже о том, что Иваненко работает по одному из актуальнейших направлений теоретической физики» [3. Л. 41].

К сожалению, В.Д. Кузнецов не смог удовлетворить эту просьбу, сославшись на то, что изданный приказ Наркомата просвещения РСФСР, «категорически воспрещающий повышение зарплаты в связи с предстоящими введением госнормирования». Однако выход был найден. Приказом директора СФТИ с 10 апреля 1937 г. был организован семинар по теоретической фи-

зике для сотрудников института, руководить которым был назначен Д.Д. Иваненко. На занятия отводилось 4 часа в месяц с оплатой руководителю в размере 60 руб. Кроме того, после отъезда профессора П.С. Тартаковского на Д.Д. Иваненко было возложено руководство и общеинститутским теоретическим семинаром с оплатой 90 руб. в месяц за 6 часов занятий. Посещать этот семинар обязали научных сотрудников теоретического отдела А.А. Соколова, В.А. Жданова, А.В. Светланова и аспиранта Е.А. Дурандина. Наряду с этим, он вплоть до середины октября 1937 г. вел занятия по иностранным языкам с аспирантами и сотрудниками СФТИ, занимаясь техникой перевода с немецкого и английского языка (1 час в неделю с оплатой 50 руб. в месяц) [16. Л. 4, 41–42, 45].

Что касается теоретического семинара, то на нем главным образом обсуждались актуальные проблемы теории атомного ядра. Вот, что писал Д.Д. Иваненко в дирекцию СФТИ 4 октября 1937 г.: «Ход работы общеинститутского теоретического семинара и обсуждения его перспектив с участниками показали желательность создания подобного семинара как постоянно действующего, не ограничиваясь ныне разбираемым циклом атомного ядра. План работы семинара (заседания коего предполагается вести еженедельно...)... на ближайшие 3 месяца следующий: 1) цикл атомного ядра: сентябрь–ноябрь: теория бета-распада, ядерные силы, магнитные моменты ядер; 2) цикл квантовой химии (чередующиеся заседания): обменные силы, молекулярная связь. Метод молекулярных орбит. Силы Ван дер Вельда. Основы спектроскопии молекул».

В январе 1938 г. Д.Д. Иваненко составил план работы общеинститутского теоретического семинара на первое полугодие. Он писал в записке, датированной 17 января, которую передал В.Д. Кузнецову: «1. В настоящее время семинарий (регулярный актив около 10 человек, посещаемость около 15 человек) работает в двух циклах: ядерный и квантовой химии. Ядерный цикл, начавшийся весной 1937 г., заканчивается в январе текущего года и с февраля на его месте начнется цикл астрофизический: изложение ядерной физики и затем, до конца года, цикл космических лучей. 2. По астрофизике предполагается рассмотреть основные физические вопросы строения звезд, ...и вопрос об источниках энергии. 3. Изучение космических лучей, которые становятся важной проблемой наших дней, предполагается вести как в направлении теории прохождения быстрых частиц через материю и теорию ливней, так и в смысле обзора всего большого эмпирического материала. 4. Цикл квантовой химии будет продолжен дальше (строение молекул, вариационные методы расчета, барьерные эффекты, ван-дер-ваальсовы и дисперсионные силы). Примерно с марта месяца на место химического цикла станут вопросы твердого тела, в частности основательный обзор явлений и теории сверхпроводимости. По самому характеру семинара, занятия в котором выдвигают новые проблемы, более детальное уточнение не видится возможным» [8. Л. 23].

О.П. Семенова вспоминает: «Запомнился один из таких семинаров, на котором горячо обсуждался вопрос о правомерности теории относительности. В ее защиту убе-

дительно выступал Дмитрий Дмитриевич, несмотря на серьезный риск получить ярлык идеалиста» [17].

Однако Д.Д. Иваненко тяготился тем, что ему не удавалось раскрыть в Томске весь свой научный потенциал физика-теоретика. Научная библиотека ТГУ, как и библиотека СФТИ, не получала многого из того, что выходило по физике в центре и за границей. В апреле 1938 г. он обратился с письмом к вдове А.М. Горького Е.И. Пешковой в Комитет помощи политзаключенным с ходатайством способствовать его возвращению в Ленинград. Он, в частности, писал: «В качестве профессора ТГУ и старшего научного сотрудника Сибирского физико-технического института мною прочитан ряд важнейших курсов, проведены и организованы семинары, создана научная группа, давшая за 2 года более 30 работ (тогда как прежде здесь не велась самостоятельная работа по теоретической физике). Конечно, нет и не может быть речи о настоящей плодотворной работе и использовании всего моего опыта и знаний в обстановке оторванности от родных, от маленькой дочери шести лет (оставшейся у престарелых родителей в Ленинграде). При крайней угнетенном сознании человека, стоящего за бортом полноценной жизни, не имеющего возможности повысить свою научную квалификацию в научных центрах Союза, при нередких нападках крикунов и перестраховщиков, пытавшихся нажиться на моем положении ссыльного» [18. С. 215–216].

Да и обстановка, которая к тому времени сложилась в Томском университете, сказывалась не самым лучшим образом. В адрес Д.Д. Иваненко продолжали раздаваться всевозможного рода обвинения. 23 октября он имел беседу с Я.Д. Горлачевым, тогдашним директором ТГУ. «Директор заявил мне, – писал Д.Д. Иваненко на следующий день в своей записке на имя В.Д. Кузнецова, – что ввиду ненужности работ по атомному ядру и квантовой электродинамике в Томске, мне предлагается подать заявление об уходе. На мое заявление, что моя специальность физика-теоретика не ограничивается указанными двумя разделами, хотя и играющими весьма важную роль, и, что, в частности, я читаю, например, курсы в ТГУ (где физика атомного ядра имеется в программе Наркомпроса), – на это директор добавил, что вообще де на меня будто бы имеются жалобы со стороны студентов» [8. Л. 12].

Из дальнейшего разговора с Я.Д. Горлачевым Д.Д. Иваненко убедился в беспочвенности выдвинутых против него обвинений. Тем не менее, ему дали понять, что следует подумать об уходе из университета. «Хотя я считаю предложение увольнения совершенно необоснованным, – писал Иваненко, – я вынужден был дать директору обещание принять срочные меры к переходу в другой вуз, что и сделал». Д.Д. Иваненко получил обещание, что ему будет предоставлена возможность «спокойной работы в ТГУ и СФТИ» на то время, пока он не подыщет новое место работы. Он, в свою очередь, попросил В.Д. Кузнецова при возможности попросить ректора ТГУ о том, чтобы тот подтвердил свое обещание [8. Л. 13–14].

Насколько серьезной была угроза увольнения Д.Д. Иваненко, можно судить из содержания служебной записки на имя Я.Д. Горлачева, которую подготовил В.Д. Кузнецов 19 октября. Директор СФТИ, в частности, в ней писал: «Для снятия с работы Иваненко

требуется достаточно веские основания, так как комиссия советского контроля и НКП, куда он, без сомнения обратится, потребуют подробные причины освобождения. При первом увольнении я получил предложение от УВШ (Управление высшей школы Наркомпроса РСФСР) от 4 декабря 1937 г. следующего содержания: «По имеющимся у нас сведениям проф. Д.Д. Иваненко сейчас отстранен от работы. Срочно сообщите УВШ подробные причины его освобождения. Ответ ожидается к 10.XII. с.г.» [8. Л. 17].

По мнению В.Д. Кузнецова, «несмотря на ряд отрицательных свойств Иваненко, в данный момент его увольнять не следует». «Нужно предупредить его приказом по СФТИ о том, чтобы он перестроил свою тематику в направлении, необходимом для СФТИ, – писал В.Д. Кузнецов; в приказе указать, что в случае не перестройки, он будет уволен с 1.1.39 г.» [8. Л. 16]. Директор СФТИ самым положительным образом охарактеризовал научную и педагогическую деятельность Д.Д. Иваненко. «На сессиях Академии наук в 1936 и 1937 г. ряд академиков (Иоффе и Вавилов), членов-корреспондентов (Френкель, Тамм, Скобельцын и др.), – подчеркнул В.Д. Кузнецов, – просили меня создать благоприятные условия для работы Иваненко... Если бы Иваненко не представлял ценности как ученый, то вряд ли такие просьбы были возможны» [8. Л. 17 об.]. Что касается качества преподавания Д.Д. Иваненко, то В.Д. Кузнецов отзывался о его лекциях наилучшим образом. «...Иваненко, – писал он, – читает лекции по квантовой электродинамике и по строению ядра очень хорошо и увлекает студентов». «Если почти вся группа студентов 5-го курса желает специализироваться по теоретической физике, – отметил он, – то это говорит в пользу Иваненко как лектора, а не против него». В.Д. Кузнецов решительно отменил обвинения в «антисоветском» поведении молодого ученого. «Никаких антисоветских поступков и выступлений за последнее время, – писал он, – Иваненко не сделал, и увольнять его за это нет оснований». По мнению В.Д. Кузнецова, то, что Иваненко занимается ядром атомов, «не является преступлением, так как ядру в СССР уделяется большое внимание; было создано несколько конференций по ядру. Поэтому мотивировать увольнение Иваненко его занятием ядром и квантовой электродинамикой мне кажется невозможным». Он считал, что для объективного анализ деятельности Д.Д. Иваненко было бы целесообразно «создать достаточно авторитетную комиссию с привлечением в нее лиц, посторонних ТГУ и СФТИ» [8. Л. 16–17].

Тем временем механизм «выдавливания» Д.Д. Иваненко из ТГУ продолжал раскручиваться. Приказом по университету № 189-С от 28 октября 1938 г. была создана комиссия «для проверки научной и учебно-воспитательной деятельности ст. преподавателя Иваненко Д.Д. в связи со снятием его научной тематики в СФТИ и с имеющимися компрометирующими его материалами». В ее состав были включены профессор В.Н. Кессених (председатель), В.Д. Кузнецов, В.М. Кудрявцева, доценты А.Б. Сапожников и П.П. Попов. Распоряжением Я.Д. Горлачева комиссии было предложено закончить свою работу к 10 ноября [8. Л. 15].

В декабре 1938 г. Д.Д. Иваненко получил приглашение перейти на работу в Уральский государствен-

ный университет, а в начале 1939 г. он попросил командировку в Москву и Ленинград сроком на один месяц. В заявлении на имя директора СФТИ В.Д. Кузнецова он писал: «Ознакомление с работой научных центров Союза является для меня крайне необходимым для обеспечения плодотворной работы в области теории твердого тела и для общего повышения квалификации в связи с подготовкой диссертации». Однако ему в поездке отказали. Тогда Д.Д. Иваненко написал другое заявление о предоставлении ему отпуска [3. Л. 66, 67]. Такое же заявление он написал и на имя ректора ТГУ. Из командировки в Томск он уже не вернулся. В телеграмме, присланной из Ленинграда на имя ректора ТГУ, Д.Д. Иваненко просил освободить его от работы в университете с 1 февраля 1939 г. в связи с переездом в Свердловск [3. Л. 85].

В своем письме В.Д. Кузнецову, датированном 18 февраля 1939 г., Д.Д. Иваненко сообщил, что, будучи в Москве, он имел разговор с А.Ф. Иоффе, который и порекомендовал ему переехать в Свердловск, где в Уральском физико-техническом институте в то время работали над проблематикой, близкой к той, которой занимался и он [8. Л. 9 об.]. Дальнейшая научная биография этого ученого была связана с работой в Свердловске, а затем в Москве, хотя его контакты с Томским университетом не прерывались и в последующие годы. Вместе с ним вначале в Уральском государственном университете, а затем и в МГУ работал выпускник ТГУ А.А. Соколов. Д.Д. Иваненко неоднократно приезжал в Томск в качестве официального оппонента на защите диссертаций, а также для участия в работе научных конференций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 24 апреля. Н.П. Загорский окончил Институт красной профессуры, заведовал кафедрой социально-экономических наук в ТГУ. С февраля по август 1936 г. – и.о. директора СФТИ. 29 августа того же года был арестован и обвинен «в контрреволюционной деятельности» и «собрании и организации контрреволюционных троцкистско-зиновьевских кадров» для ведения «активной борьбы против политики ВКП(б) и ее руководства». Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1958 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 15. Д. 967.
2. Сарданашивили Г.А. Дмитрий Дмитриевич Иваненко: 100 лет со дня рождения. Режим доступа: <http://www.ivanenko-d-d.ru/articlesga.htm>
3. Архив Сибирского физико-технического института (Архив СФТИ). Оп. 2а. Д. 922.
4. Архив СФТИ. Оп. 2а. Д. 2310 // Сибирский физико-технический институт: История создания и становления в документах и материалах (1928–1941 гг.). Томск, 2005.
5. Багров В.Г., Потекаев А.И. Становление теоретической физики в Сибири: к 125-летию Томского Императорского университета // Известия вузов. Физика. 2003. № 9.
6. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2: 1917–1945.
7. Красное знамя (Томск). 1936.
8. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 777.
9. ГАТО. Ф. Р-1638. Оп. 1. Д. 40.
10. Космос, время, энергия: Сб. статей, посвященных 100-летию Д.Д. Иваненко. М., 2004.
11. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 15. Д. 967 // Сибирский физико-технический институт: История создания и становления в документах и материалах (1928–1941 гг.). Томск, 2005.
12. Сибирский физико-технический институт: История создания и становления в документах и материалах (1928–1941 гг.). Томск, 2005.
13. Кликушин М.В., Красильников С.А. Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
14. Красное знамя (Томск). 1936. 15 сентября.
15. ГАТО. Р-815. Оп. 1. Д. 955.
16. Архив СФТИ. Оп. 2а. Д. 922; ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 15. Д. 967.
17. Томский вестник. 1995. 18 марта.
18. Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. Томск, 1991. С. 215–216.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2008 г.